

ГОРОД КУЙБЫШЕВ В 1941-1945 ГГ.: РЕАЛИИ БЫТА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Самара. Самарский государственный университет

В последние годы в отечественной исторической науке повседневность советского периода все более становится объектом исследований [1]. В обыденном сознании повседневность рассматривается, как социальная среда, в которой человек живет и которая его окружает. Рассекречивание ранее не доступных исследователям материалов позволяет глубже изучить различные стороны повседневной жизни населения регионов СССР. Город Куйбышев представляет в этом отношении один из интереснейших объектов изучения городской повседневности. Качественным рубежом стала Великая Отечественная война, кардинально повлиявшая на облик города, его инфраструктуру и административно-территориальную структуру, состав населения и качество жизни горожан. 21 августа 1943 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР г. Куйбышев выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр и отнесен к категории городов республиканского подчинения [2]. Особо следует выделить превращение г. Куйбышева в своеобразную «запасную столицу» [3]. Конечно, г. Куйбышев 1941-1943 гг. – это не Санкт-Петербург 1812 г., но размещение в городе на Волге ряда правительственных учреждений, Исполкома Коминтерна, дипломатических миссий и большого числа оборонных предприятий придало городской жизни новый колорит [4].

Уже с первых дней войны население города стало резко возрастать за счет эвакуированных. Бывший секретарь Куйбышевского горкома ВКП(б) С.А. Хропов вспоминал: «Мы, местные работники, думали, что война продлится недолго и эвакуированных будет немного и первые партии мы принимали в Куйбышеве с хлебом, солью, с цветами и размещали их в зимних дачах и санаторных помещениях, создавали для них все необходимые условия, которыми мы располагали» [5].

Однако численность эвакуированных значительно превзошла ожидания властей. За первые полгода войны население г. Куйбышева увеличилось с 390 тыс. человек до 529 тыс. [6]. Только на Безымянку – район сосредоточения военно-промышленных предприятий с эвакуированными заводами прибыло 49 тыс. рабочих и служащих [7]. Осенью 1941 г. были введены ограничения на прописку беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывающих неорганизованным порядком [8]. Вокруг города были установлены милицейские и воинские заградительные кордоны, чтобы предотвратить возможность для эвакуированных остаться в городе. Но желающих остаться в Куйбышеве было очень много. Они выса-

живались в Чапаевске, Кинеле и добирались до Куйбышева на местных поездах или пешком, а в Куйбышеве устраивались на квартирах родных и знакомых [9].

Решением Куйбышевского горисполкома от 20 октября 1941 г. были запрещены въезд и прописка в городе всем эвакуированным, кроме прибывших вместе с предприятиями и организациями по специальному решению СНК СССР. Запрещение распространялось и на членов семей, проживавших вне города, глава которых работал в г. Куйбышеве. Все самовольно въехавшие и не получившие разрешения от милиции на прописку и ордера от райсоветов на занятие жилой площади должны были немедленно выселиться [10].

Пик численности населения города пришелся на 1943 г. (640 тыс. чел.), а затем – в 1944 г. – численность куйбышевцев в результате эвакуации сократилась до 560 тыс. чел. [11]. Доля мигрантов среди населения была довольно велика, прежде всего за счет эвакуированных и пополнения кадрового состава предприятий. Например, рабочие строительно-монтажного треста №11, набирались из 27 областей и республик СССР [12].

К этому следует добавить большую массу переселенцев, передвигавшихся в тыл страны через Куйбышев. Только с 1 июля по 31 декабря 1942 г. – за время второй волны эвакуации – эвакуопункт г. Куйбышева обслужил 240979 человек [13].

Значительный рост численности населения города размещение здесь эвакуированных предприятий и учреждений, включая правительственные, а также военных подразделений, госпиталей, значительно увеличили нагрузку на местную систему жизнеобеспечения, потребовав не только интенсификации работы ее основных служб, но и их развития.

Первоочередной проблемой являлось жилищное обустройство эвакуированных и принимаемых новых рабочих на предприятия. Их прибытие привело к обострению жилищной проблемы, которая и ранее не считалась решенной. К январю 1941 г. население г. Куйбышева увеличилось по сравнению с 1913 г. в 3 раза, а жилищный фонд за советский период – на 43%. В г. Куйбышеве до войны на человека приходилось 3,5 кв. м на человека (это было ненамного больше, чем в Сызрани и Чапаевске, где этот показатель был равен 3,4 кв. м) вместо 8,25 м², предусмотренных санитарными нормами жилья [14].

1 и 3 июля 1941 г. Исполкомы Куйбышевских областного и городского Советов депутатов трудящихся приняли решения о предоставлении жилой площади работникам авиазаводов. В соответствии с ними было решено предоставить районным исполнительным комитетам право уплотнения (подселения в квартиры дополнительных жильцов) проживающих граждан, как в государственном жилом фонде, независимо от подчиненности (за исключением жилого фонда военного ведомства, НКВД и НКГБ), а также в частновладельческом фонде. При уплотнении для временного рас-

селения и изъятия отдельных комнат, советские органы должны были составлять в распоряжении основных квартиросъемщиков жилой площади не менее 5 кв. метров на каждого члена семьи, фактически постоянно проживающего в данной квартире [15].

Часть горожан, не желая «квартирного передела», стала срочно сдавать дополнительную жилплощадь в наем. В этой связи в середине июля 1941 г. горисполком решил предупредить всех владельцев домов, что всякое самовольное заселение жилых помещений (сдача помещений в наем, уплотнение) без соответствующего на то разрешения Исполкома (районного – мое) является незаконным. Было подтверждено, что в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК СССР от 17.10.37 г. взимание платы за жилые помещения с квартиронанимателей в домах, принадлежащих отдельным гражданам на правах личной собственности или застройки, а равно в домах, арендованных ими у местных Советов, должно производиться по действующим в городе ставкам с надбавкой к этим ставкам не свыше 20%. Также устанавливалось, что владельцы и арендаторы домов из числа отдельных граждан, взимающие квартирную плату свыше установленных ставок, а равно квартиронаниматели во всех без исключения домах, систематически сдающие в наем жилплощадь в своих квартирах с целью спекуляции (извлечение нетрудовых доходов), подлежат уголовной ответственности, причем сдаваемые с целью спекуляции комнаты или часть комнаты, хотя бы эта площадь и не являлась излишком для съемщика, подлежат изъятию [16].

Всего, согласно июльским решениям местных партийных и советских органов, 11 тысяч прибывших на авиакомплекс получили 50 тыс. м² жилой площади за счет уплотнения и использования общежитий и культурно-бытовых помещений [17].

Жилищная проблема особенно обострилась с октября-ноября 1941 г., когда в город и область хлынул поток населения из Центрального и Северо-Западного районов. Под жилье приспособлялось все, что могло служить этой цели: подвальные, складские, чердачные помещения, сараи, клубы, магазины, гаражи и т.п. Работница авиационного завода № 1 им. Сталина М.С. Гурович вспоминала: «В конце ноября утром наш эшелон прибыл на станцию «Безымянка». Вокруг огромный пустырь. К вечеру стали подходить грузовики и развозить людей по баракам, школам, на квартиры куйбышевцев на подселение, в ближайшие села. Нас с мужем определили в барак около Безымянки, в котором раньше жили заключенные. По всей длине барака – трехэтажные «нары». Все места были заняты. Мы расположились на полу. В бараке было холодно, грязно. Не было ни воды, ни пищи. Одолевали вши. Но настроение было боевое».

Похожие условия описывала и работница авиазавода № 18 К.И. Чадаева: «Прибыли на Безымянку. Нас направили в село Кабановка Кинель-Черкасского района. Разместили по частным домикам. Жили вместе с хо-

заявами в одной комнате. Люди были сознательные. Ни одного слова не было вымолвлено, зачем приехали или что их стесняли. В деревне жили недолго. В январе 1942г. привезли нас на ст. «Безымянка», разместили по квартирам, в полуземлянки бывших заключенных в I-м особом районе. Зима 1941-1942гг. была суровая, стояли сильные морозы до 42 градусов. Каждая семья, как могла, занимала в этой землянке двухъярусные нары, как в плацкартном вагоне, только без перегородок. Грязь, холод, есть было нечего. В январе 1942г. от воспаления легких умер братишка, а отец погиб на фронте в июле 1942г. Мы остались втроем - мама, я и двухлетняя сестренка. Потом нас всех из землянки выселили. Каждой семье дали по отдельной комнате в бараке» [18].

В начале января 1942 г. работникам перебазируемых в Куйбышев предприятий было передано 36790 кв. метров жилплощади и 6 домов общей площадью 3879 кв. метров. Работникам прибывшего подшипникового завода было разрешено переоборудовать под жилье 60 дач; 90 дач предоставлялось эвакуированному из Москвы коллективу ВТЭ-1. В целом эвакуированным в городе было выделено 381105 кв. метров. К январю 1942 г. только для работников авиазаводов было построено 133 тыс. кв. метров жилья [19].

И все равно жилья не хватало. В справке авиационного отдела Куйбышевского обкома, по состоянию на 15 мая 1942г. отмечалось, что авиационные предприятия области не подготовились к приему поступающей рабочей силы. Из 30 тысяч подлежавших расселению новых рабочих (без учета их семей), только 10 000 можно было устроить на производство. Завод им Фрунзе при ожидаемом пополнении в 11 000 человек имел свободного жилья всего на половину. По этой же причине директора других предприятий отрасли вынуждены были отправить обратно в районы 1770 человек из 6960 мобилизованных [20]. В июне 1942 г. руководитель 15 Главного Управления по куйбышевским авиазаводам Е. Кофман запретил принимать на винтовой завод новых работников, так как для них отсутствовала жилая площадь [21].

Холостяков селили в огромные земляные бараки. Строили их для себя заключенные, работавшие на сооружении заводов. Внутри в четыре ряда двухъярусные деревянные нары на 250-300 человек. Печь отапливалась дровами. С прибытием эвакуированных заключенных выселяли, досрочно освобождали и отправляли на фронт. Зима 1941-1942 годов выдалась особенно суровой. Дров не хватало. По пути домой люди прихватывали на отопление все, что горит. В начале 1942 в одном из барак авиационного завода, где проживало 196 человек и обычно одна половина обитателей барака была на работе, а другая отдыхала, случилась трагедия - барак загорелся. Пожар начался где-то у выхода, но моментально охватил все помещение. Запасной выход был закрыт наглухо. Спасти успели немногие.

Через 5-10 минут все было кончено. 96 человек, отдохавших после рабочего дня, сгорели заживо [22].

Одновременно в сельские районы была переселена часть горожан, не имевших прямых связей с промышленным производством, жилье которых также передавалось беженцам. Не все, предназначенные к переселению в сельскую местность, высказывали согласие с таким решением. Их настроения нашли отражение в донесении зам. наркома НКВД СССР Меркулова Куйбышевскому обкому ВКП(б). Заведующий складом лесоматериалов Гортопа Шибраев заявлял: «Сейчас меньше говорят о войне, а больше о выселении. Люди взволнованы массовым выселением, высказывают большое недовольство». Зам. главного энергетика завода «Автотрактородеталь» Мартынов замечал: «Москвичей надо гнать дальше в Сибирь и не беспокоить жителей г. Куйбышева, которые живут здесь десятки лет». Мария Родикова гневно отмечала: «Что же это творится – сюда едут люди, а отсюда выселяют собак. Посмотрите, какие упитанные рожи едут сюда, а тебя, как скотину какую-нибудь, гонят в деревню, там ведь и в хорошие времена голодали» [23].

Расселение и временное уплотнение сопровождалось многочисленными нарушениями, о чем свидетельствуют материалы, поступавшие в партийные и советские органы. Домууправляющим 122 участка Ильиным была получена взятка с гражданки Кукаевой в сумме 300 руб. за предоставляемой ей лучшей комнаты Ильин был арестован, а дело передано в суд.

Жену красноармейца Литвякову выселили, не предоставив жилплощади. В Сталинском районе член ВКП(б) Чугайло была выселена из двухкомнатной квартиры в общежитие работниц завода КИНАП. Военнослужащий Н.Г. Волох находился с 25 июня по 21 июля 1941 г. на излечении в больнице, и в его отсутствие комната была открыта и передана другой семье. От подобных действий не были застрахованы даже представители номенклатуры. Из квартиры по улице Фрунзе была выселена семья секретаря Молотовского сельского РК ВКП(б) П.М. Лаптева, когда он был вызван в военкомат, а семья была в отпуске. Переселение было проведено заочно в 10-метровую комнату на уплотнение к гражданину Солдатову [24]. Сопротивление горожан вызвали попытки насильственно переселить их в худшие по качеству комнаты и квартиры [25].

Перенаселенность несла с собой огромные, прежде всего санитарно-бытовые и психологические, трудности для проживающих. Совместное проживание в одном помещении нескольких семей было обыденным явлением, отрицательно сказывавшимся на моральном климате, о чем в те годы было не принято говорить. Большинство работников предприятий размещались либо в небольших, часто неудобных комнатах, коридорах, кухнях, нередко по 5-7 человек из разных семей, либо проживали в общежитиях, где в одном помещении порой ютились сотни человек. Жилищно-бытовая неустроенность общежитий определяла их психологический климат. В

войну фактически получила реализацию идея всеобщей коллективизации жилищного быта, ориентация на расширение контингента проживающих в общежитиях.

Необходимость быстрого обеспечения жильем, недостаток средств, материалов, рабочей силы предопределили главное направление в жилищном строительстве тех лет – возведение построек упрощенного, преимущественно барачного типа. В начале 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О строительстве жилых домов облегченного типа из местных материалов». Более 60 млн. руб. отпускалось на строительство жилья для эвакуированного населения в городах РСФСР в 1942 г. [26]. А в следующем году только эвакуированным заводам в Куйбышеве на строительство домов было отпущено 50 млн. руб. [27]. Полнее стал использоваться кредит, увеличилось число индивидуальных и коллективных застройщиков, к производству стройматериалов привлекались промкомбинаты, артели, использовалось местное сырье [28].

Положение с жильем на промышленных предприятиях начинает улучшаться с 1943 г., когда стали строиться т.н. «юнгородки» для рабочих и дома для семейных инженерно-технических работников. Многие промышленные предприятия развернули жилищное строительство. Завод КАТЭК за годы войны построил 11 домов общей площадью 2420 кв. м, в которых поселились 486 чел. [29], подшипниковый завод построил 7500 м² жилья для своих работников [30].

Для быстро растущего города острой являлась транспортная проблема. 27 июня 1941 г. Куйбышевский горисполком изменил график часов трамвайного движения в связи с изменением часов работы отдельных предприятий [31]. Главной заботой горисполкома и горкома ВКП(б) стала перевозка рабочих на заводы, расположенные на Безымянке. В сентябре 1941 г. было решено соединить данный район с центром города путем строительства новой трамвайной линии и автодороги. В центре города одновангонные трамваи заменялись двухвагонными [32].

С ростом города и возникновением новых районов общая протяженность трамвайного пути в одиночном исчислении увеличилась с 52 км в 1940 г. до 70 км в 1944 г. Количество вагонов – с 154 до 180. Но ремонт вагонов проходил медленно. Выпуск их на линию сокращался, что сказалось на работе трамвая. Общий пробег вагонов снизился с 7915 тыс. вагонокилометров в 1940 г. до 3250 тыс. вагонокилометров в 1944 г. Количество перевезенных трамваями пассажиров уменьшилось с 90638 тыс. в 1940 г. до 38800 тыс. чел. в 1944 г. [33].

Уже в первое военное полугодие выявилась слабая транспортная база города. Трамвай и местные поезда не справлялись с перевозками. Нередкими были опоздания рабочих по этой причине. 29 января 1942 г. горисполком решил приступить к проектным работам и утвердил трассу троллейбусного движения «Маршрут №1»: от площади Революции по улице

Куйбышева, Льва Толстого до Вокзальной площади [34]. Темпы реализации проекта были поистине военными. 6 ноября 1942 г. была сдана в эксплуатацию первая троллейбусная линия. Троллейбус «ЯТБ-2» открыл регулярное движение от железнодорожного вокзала до площади Революции [35]. Распоряжением СНК СССР от 24 ноября 1942 г. было решено построить в четвертом квартале 1942 г. и первом квартале 1943 г. троллейбусную линию Куйбышев-Безымянка [36]. За 1944 г. троллейбусами было перевезено 687,3 тыс. чел. [37]. К 7 ноября 1944 г. была сдана в эксплуатацию электрифицированная железная дорога на участке Куйбышев-Безымянка длиной в 15 км [38], которая значительно помогла ускорить доставку работников на заводы.

Значительно обострилась в условиях войны проблема коммунально-бытового обслуживания населения. Уже в 1941 г. магистральные водопроводы г. Куйбышева и городская водопроводная сеть вместо душевой нормы водопотребления 100 л в сутки подавали на одного человека 52 л [39]. Подача воды осуществлялась, в основном, в центре города. О том, насколько ситуация была острой, свидетельствует письмо в СНК СССР на имя А.И. Микояна от председателя Куйбышевского горисполкома М.А. Пылева 19 ноября 1942 г.: «Коммунальное хозяйство в Куйбышеве находится в отсталом состоянии. Производственные мощности коммунальных предприятий не покрывают возросших потребностей города, т.к. население его за последнее время возросло с 400 тыс. до 700 тыс. чел. Наглядным примером отсталости является городской водопровод. При ежесуточной потребности в 200 тыс. м³ он способен подавать лишь 55000 м³, в т.ч. 20000 м³ грунтовых вод. Такая подача воды в город не обеспечивает потребности населения при минимальных нормах. Городской водопровод в ряде пунктов не обеспечивает тушение пожаров; городская сеть магистралей не имеет кольцевания; запасных резервуаров для воды в городе нет, энергоснабжение водонасосных станций одностороннее. Еще более слабо развита канализационная сеть. По всему городу канализовано всего лишь 1025 домовладений с населением 125 тыс. чел. или около 15%. Много труб водопровода и канализации имеют 50-летнюю давность. Дороги: из общей площади улиц и площадей города 7200000 м² покрыто дорожной одеждой (так в тексте – В.П.) 1870000 м² (25%). Асфальтовых покрытий лишь 350000 м² на весь город» [40].

Из всех отраслей коммунальной сферы относительно лучше развивалась ситуация в сфере водоснабжения, расширявшаяся преимущественно за счет строительства колодцев, бурения скважин, сооружения временных водопроводов. Для ускорения подачи воды в г. Куйбышеве увеличили скорость фильтрации, вводили упрощенную схему очистки (подача воды, минуя фильтры). В городе строились новые водопроводные сети и увеличивалась мощность насосных станций. Общие протяжение водопроводов

увеличилось с 14 км в 1940 г. до 35 км на 1 января 1945 г. Подача воды в сеть увеличилась с 17687 тыс м³ до 44081 тыс. куб. м. [41].

Увеличилась и канализационная сеть. Общая протяженность главных коллекторов увеличилась с 9 км в 1940 г. до 16 км в 1944 г. Пропуск сточных вод соответственно с 9200 тыс. м³ до 21262 тыс. куб. м. [42]. Но в целом мощности водопроводных и канализационных сетей не отвечала потребностям города, вследствие чего водопровод и канализация работали с большой перегрузкой, превышая проектную мощность. Нередко применялись так называемые канализационные стоки, по которым сточные воды без всякой очистки уходили в близлежащие водоемы.

Сократились возможности городского населения пользоваться услугами коммунальных прачечных и бань. В первое полгода войны пропускная способность бань увеличилась на 20%. Было решено, бани, принадлежавшие заводам, сделать открытыми для всех граждан, определив режим работы бань с 7 часов утра до 12 часов ночи [43]. Количество коммунальных бань сократилось с 8 в 1940 г. до 4 в 1944 г. В 1940 г. было обслужено 5200 тыс. посетителей, в 1944 г. – 1928 тыс. [44]

В решении проблем коммунально-бытовой сферы помогали руководители партийных и государственных органов СССР, размещенных в городе. С.А. Хролов, бывший в 1938-1942 гг. секретарем Куйбышевского горкома ВКП(б) вспоминал: «Однажды в повестку дня Совнаркома был включен вопрос об улучшении коммунального обслуживания. Мы, представители города и области, были заранее предупреждены об этом и имели время посоветоваться между собой. Вывод наш был такой: теми машинами и механизмами, что имелись в распоряжении городского хозяйства, обеспечить в городе надлежащую чистоту и порядок невозможно. Решили просить дополнительно пять автомашин и три-четыре тонны бензина ежемесячно. Конечно, этого было крайне недостаточно. Но мы посчитали: если идет война, все средства должны быть направлены на фронт.

Выслушав наше заявление, члены правительства переглянулись. Анастас Иванович Микоян поднялся из-за стола, сделал несколько шагов по комнате, произнес: - Скромновато.

Потом помолчал и вдруг предложил:

- Считаю, надо дать городскому хозяйству сорок автомашин и ежемесячно выделять по пятьдесят тонн бензина. Эти автомашины должны быть доставлены к зданию горисполкома завтра к девяти часам утра с оформленными нарядами на горючее.

Это предложение было единодушно принято. А на следующий день ровно в 8 часов 50 минут большая автоколонна остановилась возле горисполкома и состоялся прием машин» [45].

В значительной степени меры по благоустройству города носили административный характер. За нарушение правил благоустройства (загрязнение территории, нарушение правил застройки, подземных и наружных

сооружений, эксплуатации домов, общежитий, предприятий, магазинов и т.д.) должностные лица (директора промышленных и торговых предприятий, коменданты общежитий, начальники строек и др.) могли подвергаться штрафу до 200 руб.; при повторном нарушении привлекались к уголовной ответственности (по ст. 109, II УК РСФСР). Граждан, нарушающих правила благоустройства, органы милиции города могли оштрафовать от 10 до 25 руб. [46].

В условиях стесненности, скученности населения, бытовая неустроенность, антисанитария в местах общего пользования, недостаточности водоснабжения, освещения, отопления в сочетании с высокой продолжительностью рабочего дня, снижением качества питания создавалась опасность распространения остроинфекционных заболеваний. В г. Куйбышеве опасная противозидемическая обстановка сложилась в начале войны. В справке Куйбышевского горздравотдела 8 августа 1941 г. медики били тревогу: «В городе эпидемия. Массовые заболевания среди населения дизентерией и другими инфекциями. Эта эпидемия может в ближайшее время вывести из строя целые заводы. Город имел возможность не допустить эпидемии и ликвидировать эпидемические очаги; в настоящее время тоже имеет возможность, для этого требуется: 1) очистка города от нечистот и мусора; 2) обработка эпидемических очагов, вывоз больных на коечное лечение и дезинфекция помещений и одежды больных.

Горздрав сделать этого не мог и не может ввиду отсутствия бензина, резины на эпидемические кареты. 19 карет эпидстанции и станций скорой помощи стоят в бездействии. Все машины с лимита на бензин сняты и город поставили под явную угрозу в эпидемическом отношении... Особенно большой процент заболеваемости среди рабочих прибывших заводов» [47].

Одной из причин распространения дизентерии, завшивленности, кожных заболеваний являлся недостаток мыла для мытья рук и стирки белья [48].

В 1942 г. в городе был проведен месячник по очистке от мусора, проведено обследование общежитий, бань, вокзалов и предприятий общественного питания. Подворный обход позволял выявить подозрительных по тифу заболеваний и завшивленности [49]. Но в целом ситуация оптимизма не внушала. Особенно тревожной она была на заводах № 525, 24, 1, 42.

К.Ф. Мочалова, проверявшая в сентябре 1942 г. по заданию Куйбышевского обкома ВКП (б) завод № 525 Наркомата вооружений, отмечала: «Бытовые условия рабочих, живущих в землянках, ужасные. В землянках нарная система, нары в три яруса, большая скученность, постельного белья нет, рабочие спят на голых досках... кругом сыплется земля... масса блох, которые не дают возможности рабочим отдохнуть после работы... рабочие понимают, что война загнала их в эти землянки, но считают, что и при этих условиях можно было кое-что сделать и особенно в летний период» [50]. Положение на предприятии в декабре 1942 г. было признано Куйбышевским горисполкомом и городской противозидемической комиссией чрез-

вычайным и угрожающим вспышкой сыпного тифа. Только тогда было решено выделить дополнительно 5 тонн мыла для борьбы с завшивленностью, выделить работникам завода овощи и изготавливать из хвои витаминный настой для профилактики авитаминоза [51].

Эпидемические больные поступали в большом количестве вместе с эвакуированным населением. В г. Куйбышеве в 1942 г. привозные случаи заболевания сыпным тифом составили 41%, в 1943 г. – 50%. Больных брюшным тифом в расчете на 10000 населения увеличилось в 1942 г. по сравнению с 1940 г. в 3,1 раза, сыпным тифом – в 23,3 раза [52].

Меры и средства, направленные на борьбу с эпидемиями, носили ограниченный характер и позволяли, в лучшем случае, локализовать эпидемические очаги. С осени 1944 г. эпидемическая обстановка в Верхнем и Среднем Поволжье, в т.ч. в г. Куйбышеве, вновь ухудшилась. Вспышки сыпного тифа превратились в крупные очаги эпидемий, однако своевременных оперативных мер не было принято. В материалах ГАРФ имеется ряд документов, освещающих отношение властей к данной проблеме. Информация о резком увеличении числа заболеваний граждан сыпным тифом в октябре, ноябре и начале декабря поступила Л.П. Берии по линии НКВД 15 декабря 1944 г. Л.П. Берия по долгу службы отправил копии телеграммы секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и заместителю Председателя СНК СССР К.Е. Ворошилову. На следующий день К.Е. Ворошилов поставил резолюцию, обращенную к наркому здравоохранения СССР Г.А. Митереву: «Что нам известно, какие меры предприняли?». Через три дня Л.П. Берия направил К.Е. Ворошилову новое сообщение: «УНКВД Куйбышевской области сообщает дополнительные данные о распространении эпидемии тифа. С 11 по 15 декабря сего года сыпным тифом заболело 311 человек, в том числе в г. Куйбышеве 292 человека. Зарегистрировано 48 больных брюшным тифом, из них 34 в г. Куйбышев. В городе ни одна баня не работает из-за отсутствия топлива и света... Местные организации не принимают нужных мер к обеспечению бань топливом, в частности к вывозу дров из-за Волги. Хозяйственные органы не выполняют решения исполкома Горсовета о выделении транспорта для санпропускника, в результате чего больные госпитализируются несвоевременно». К.Е. Ворошилов, ознакомившись с донесением, вновь адресует его Г.А. Митереву: «Что сообщают наши представители о проделанной ими работе?». В деле отсутствует информация о том, был ли дан письменный ответ К.Е. Ворошилову. Зато есть просьба Г.А. Митерева в адрес заместителя Председателя СНК СССР Л.П. Берии дать указание соответствующим наркоматам об отправке в г. Куйбышев мыла, мануфактуры, бензина и мазута. 23 декабря 1944 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова поступила докладная от секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) Жаворонкова о сделанном по преодолению начавшейся эпидемии и с просьбой выделить для области 280 т мыла, 300 т мазута, 50 т бензина, 100 тыс. м мануфактуры, 3500 одеял, 3500

матрацев, 3500 подушек и 10 т керосина. Только 5 января 1945 г. СНК СССР было дано распоряжение, подписанное В.М. Молотовым, удовлетворявшее просьбу на 50% [53]. Поэтому ликвидация эпидемии проходила с трудом и в основном за счет местных материальных средств.

Литература

1. См., напр.: Волков В.В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: сталинская цивилизация и повседневность сталинского времени// Социологический журнал. 1996. № 1/2; Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 141-1945 годов. М., 2000; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999; Измозик В.С., Лебина Н.Б. Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920-1930-х годов// Вопросы истории. 2001. №4; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003; Ломагин Н. Неизвестная блокада. В 2 кн. СПб., 2002; Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995; Москва прифронтовая. 1941-1942 гг. Архивные документы и материалы. М., 2001; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 гг. М., 1998; Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В 2 т. Краснодар, 2002; Российская повседневность. 1921-1941 гг. Новые подходы. СПб., 1995; Шинкарук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (По материалам Северо-Запада). СПб., 1995; Янковская Г. Эвакуация// Родина. 2004. №6; Яров С.В. Горожанин как политик. СПб., 1999 и др.

2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.22. Д.21. Л.454.

3. См.: Данилов В.Н. Самара-Куйбышев – запасная столица страны в годы Великой Отечественной войны: организация защиты// Самарский край в контексте Российской истории. Сб. ст. Самара, 2001; Павлов А.Е. Запасная столица. Самара, 1995; Храмков Л.В., Храмкова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья. Самара, 2003 и др.

4. В октябре 1941 г. в город прибыли в эвакуацию Госплан СССР, часть аппарата ЦК ВКП(б), СНК СССР и ЦК ВЛКСМ, ряд отделов Наркомата обороны СССР (Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.2558. Оп.6. Д.43. Лл.211-212Д.44, Л.61; Д.60. Л.4). В связи с прибытием в город правительственных учреждений и повышением интенсивности движения транспорта было решено увеличить количество постов регулирования уличным движением в городе и пригороде с 12 двухсменных до 35 суточных. (ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д.39. Л.61). Было решено 23.10.41 г. увеличить часы торговли в ресторанах и столовых, кафе-закусочных открытого типа с 7 часов утра до 2-х ночи, а торговлю в кафе-закусочной на Куйбы-

шева, 81 вести круглосуточно (ГАСО. Ф.56. Оп.2. д.39. л.62). 20 октября в г. Куйбышев прибыл в эвакуацию дипломатический корпус из 13 посольств и 6 миссий. Все посольства были размещены в центральной части города в старинных особняках (ГАСО. Ф.56. Оп.47. Д.11. Лл.23-26).

5. СОГАСПИ. Ф.651. Оп.9. Д.70. Л.622.
6. ГАСО. Ф.2551. Оп.10. Д.36. Л.14.
7. СОГАСПИ. Ф.714. Оп.1. Д.849. Л.46.
8. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп.5. Д.105. Л.4.
9. СОГАСПИ. Ф. 651. Оп.9. Д. 70. Л.624.
10. ГАСО. Ф.2558. Оп.7. Д.314. Л.68; Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Самара, 1995. С.38
11. ГАСО. Ф.2195. Оп.2. Д. 440. Л.10.
12. ГАСО. Ф.Р-3985. Оп.1. Д.24. Л.15.
13. ГАСО. Ф. Р-4073. Оп.1. Д.3. Л.4.
14. ГАСО. Ф.Р-2148. Оп.1. Д.2825. Л.1 (об.); Р-2521. Оп.1. Д.76. Л.94; СОГАСПИ. Ф. 651. Оп.9. Д.70. Л.653.
15. ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д.38. Лл.38-39.
16. ГАСО. Ф.56. Оп.2. д.38. Лл.64-65.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.43. Д.1054. Л.115; ГАСО. Ф.56. оп.39. Д.8. Лл.42-43.
18. Безымянка. Строки, опаленные войной. Книга воспоминаний ветеранов Кировского района г. Самара. Т.1. Самара, 1997. С. 22, 81.
19. РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.1054. Лл. 1, 53; Оп.88. Д.133. Л.9.
20. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 249⁹. Л. 53-56.
21. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 289. Л. 309.
22. Безымянка. Строки, опаленные войной... С.313, 316.
23. СОГАСПИ. Ф.656. Оп.19. Д.7. Лл. 9395.
24. ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д. 38. Лл.144-145.
25. ГАСО. Ф. 56. Оп.2. Д.48. Л.89 об.
26. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С.554.
27. СОГАСПИ. Ф.1816. Оп.1. Д.33. Л.45.
28. РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.1072. Л.184.
29. Вперед 1945. 29 декабря.
30. СОГАСПИ. Ф.656. Оп.36. Д.410. Л.113.
31. ГАСО. Ф.56. оп.2. Д.38. Л.34.
32. ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д.38. Л.191-193
33. ГАСО. Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.53.
34. ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д.55. Л.50.
35. Волжская коммуна. 1942. 11 ноября.
36. СОГАСПИ. Ф.656. Оп.20. Д.44. Лл.241-242.
37. ГАСО. Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.64.
38. ГАСО. Ф.56. Оп.47. Д.28.

39. ГАСО. Ф. Р-2195. Оп.2. Д.42. Л.20.
40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5446. Оп.43. Д.1205. Л.13.
41. ГАСО. Ф. Р-2195. Оп.2. Д.42. Л.20; Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.64.
42. ГАСО. Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.68.
43. ГАСО. Ф.56. Оп.2. Д. 39. Л.231.
44. ГАСО. Ф.Р-2521. Оп.1. Д.75. Л.57.
45. Волга в гневе. Куйбышев, 1970. С.44-45.
46. ГАРФ. Ф.5446. Оп.43. Д.1205. Лл.122-126.
47. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Самара, 1995. С. 321-322.
48. СОГАСПИ. Ф.656. Оп.34. Д. 149. Л.124.
49. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Самара, 1995. С. 333-334.
50. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 33. Д. 29/39. Л. 132.
51. ГАСО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 57. Лл. 248, 251-253.
52. ГАСО. Ф.Р-2148. Оп.2. Д.25. Л.2; Шматов Е.Н. Лечебно-профилактическое обслуживание городского населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)// Актуальные проблемы развития общества: новые подходы и перспективы. Самара, 2003, С.51.
53. ГАРФ. Ф.5446. Оп.48. Д.3377. Лл.2-8.